

МИФЫ О ЖЕНЩИНАХ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
РЕГЕНТШИ И ТРУБАДУРЫ,
ПИРАТЫ И ЕРЕТИЧКИ

АНАСТАСИЯ ПАЛАМАРЧУК

МИО

МИФ Культура

Анастасия Паламарчук

**Мифы о женщинах
Средневековья. Регентши и
трубадуры, пираты и еретички**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 7.046"04/14"
ББК 82.3(0)4

Паламарчук А. А.

Мифы о женщинах Средневековья. Регентши и трубадуры, пираты и еретички / А. А. Паламарчук — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-281126-7

Средневековье привыкли видеть «мужским» – временем войн, королей и монахов-хронистов. Но за крепостными стенами, у монастырских решеток, на городских рынках и даже на палубах пиратских кораблей находились женщины, без которых эта эпоха просто не была бы возможна. Совершив увлекательное путешествие в мир средневековых дам, вы взглянете на жизнь жен и матерей, чья повседневность была неотделима от репутации рода, на «невидимых» крестьянок, горожанок и тех, кто обретал влияние за стенами церквей. Познакомьтесь с женщинами, которые правили царствами, вели переговоры и удерживали власть, когда мужчины уходили в Крестовые походы. Автор развенчивает устаревшие мифы вроде «права первой ночи» и в ярких деталях описывает Средневековье таким, каким оно было, – опасным, прекрасным и удивительно женским.

УДК 7.046"04/14"

ББК 82.3(0)4

ISBN 978-5-00-281126-7

© Паламарчук А. А., 2026

© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Введение	8
Часть I. Хранительница очага	13
Глава 1. Семья как судьба: дочь, жена, мать	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анастасия Паламарчук

Мифы о женщинах Средневековья.

Регентши и трубадуры, пираты и еретички

Heidelberg, Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Pal. germ. 848. Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse)

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Паламарчук А. А., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Введение

Эта книга о женщинах Средневековья: сильных, смелых, творческих, практичных и любящих. О женщинах конфликтных, злопамятных, властных, упрямых и коварных. Умных и безрассудных, дальновидных и не слишком, успешных и незаметных. Но прежде всего о женщинах, способных вдохновлять.

Философия представляет Боэцию семь свободных искусств. Миниатюра из рукописи неизвестного художника, ок. 1460–1470 гг.

The J. Paul Getty Museum, Los Angeles, Ms. 42, leaf 2v (91.MS.11.2.verso)

Долгое время история женщин оставалась в европейской культуре своего рода *terra incognita*. Мир Средневековья был миром мужским, и большинство источников, которые находятся в распоряжении исследователей, были созданы мужчинами, рассказывали о деяниях мужчин и отражали мужскую точку зрения. Более того, вплоть до второй половины XX столетия ученые, посвятившие себя изучению средневековых реалий, также были по большей части мужчинами. В результате на страницах учебников, серьезных монографий и исторических романов возник мир, в котором славные мужи вели войны, строили государства, писали книги и совершали иные великие деяния, а женщины... женщинам отводилась роль приложения – трофея или, в лучшем случае, верной спутницы героя.

Все начало меняться после окончания Второй мировой войны, в 1950–1960-х годах. Женщины получили более широкий доступ к политической деятельности, к ранее запретным профессиям и должностям, к высшему образованию, а значит, и к научным исследованиям. Манифестом и символом этих изменений стала книга Симоны де Бовуар «Второй пол». Главное ее открытие – инаковость женщины по отношению к миру мужчин, а социальная история «второго пола» была истолкована автором как история его угнетения патриархальной цивилизацией. В мире «второго пола» смелые дамы героически бросали вызов маскулинным ценностям, но до поры были обречены на поражение.

Акцент на инаковости женщин надолго определил интонацию исследователей и исследовательниц Средних веков. В последние десятилетия XX столетия историками женщин – и женщинами-историками! – был открыт целый мир «женского Средневековья», в котором почетное место заняли такие темы, как телесность и представления о женской физиологии, самосознание женщин и их восприятие мужчинами, брак и деторождение, религиозность и психология. Открытие «женской повседневности» вывело на сцену множество новых героинь, кото-

рые не принадлежали к элите и не были участницами эпохальных событий. На рубеже XX и XXI веков мы видим подлинный расцвет «микроистории женщин» – направление, которому удалось выхватить из тьмы силуэты горожанок, крестьянок и знатных женщин, проживших совершенно обычную жизнь и оставивших лишь один еле заметный след в тексте или документе: завещании, личном письме, счете или приговоре суда. Из осколков разрозненных свидетельств авторам удавалось собирать яркие витражи индивидуальных женских судеб на фоне эпохи.

Солдат заковывает монахиню в цепи. Гравюра Бернара Пикара, XVIII в.
Rijksmuseum, Amsterdam

Анализируя женскую «инаковость», историки наконец добрались до изучения тех сфер средневекового общества, где женщины занимали маргинальное и потому крайне уязвимое положение. Они пролили свет на женщин, принадлежавших к религиозным меньшинствам, – иудеек и мусульманок; на женщин, обвинявшихся в колдовстве и ереси; на женщин, которые по самым разным причинам оказывались на периферии собственных общин или вообще были из них исключены.

Сегодня никто не сомневается, что история женщин – важная часть нашего знания о прошлом. Отойдя от крайностей, современная историческая наука рассматривает отношения полов в Средние века как сложную систему: с одной стороны, несомненно, патриархальную, а с другой – предоставлявшую женщинам важные инструменты влияния.

Открытия, сделанные историками в истории женщин, оказали и оказывают огромное воздействие на массовую культуру: кинематограф, компьютерные игры, художественную и просветительскую литературу. Женские амплуа уже давно не сводятся к образу принцессы в башне, а персонажи обоих полов действуют совершенно на равных. В последние десятилетия в том сегменте массовой культуры, который обращается к теме Средневековья, возник ощутимый тренд, когда на роль главных героинь выбираются ведьмы, еретички, а также другие вольные и невольные разрушительницы стереотипов. Антагонисты представлены, разумеется, мужчинами – в первую очередь мрачными инквизиторами и погрязшими в предрассудках и мракобесии представителями власти. Этот тренд объясним и вполне понятен: в нем отражается стремление современных девушек и женщин искать и обретать собственный путь в мире, не подчиняясь традиционным схемам. В этом смысле средневековые декорации служат замечательным источником вдохновения.

Однако у тех, кто только начинает знакомство с наследием Средних веков, может возникнуть иллюзия, будто мизогинное религиозное общество в каждой красивой женщине видело колдунью, а в каждой образованной девице – еретичку. Этот стереотип не ближе к реальности, чем тот, согласно которому все средневековые дамы покорно угождали мужьям и только и делали, что молча вышивали. На страницах этой книги я попытаюсь отразить, какими разными могли быть судьбы женщин в Средние века.

Иллюстрация из Манесского кодекса, ок. 1300–1340 гг.

Heidelberg, Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Pal. germ. 848. Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse)

Мне бы хотелось показать, насколько яркими и в высшей степени нетривиальными могли быть судьбы женщин вне зависимости от их статуса, занятий и сословной принадлежности. Некоторые из них стали образцом для подражания современниц, биографии других неожиданны и фантастически уникальны. Каждой пришлось переживать трагедии, сталкиваться с препятствиями и преодолевать трудности – и каждая умела обретать утешение и радость: в детях, в творчестве, во власти, в молитве и даже... в бизнесе! Роли женщин в средневековом

обществе были гораздо разнообразнее, чем мы думаем, а портреты реальных дам – куда красочнее вымышленных героинь.

Часть I. Хранительница очага

Глава 1. Семья как судьба: дочь, жена, мать

Жизнь мужчин и женщин Средневековья была немыслима вне семьи. *«Нехорошо быть человеку одному»* (Быт. 2:18) – под этой библейской фразой с уверенностью подписались бы люди, выросшие в любой традиционной культуре. В отличие от современной нуклеарной семьи (родители и их дети), расширенная многопоколенная семья Средних веков была не ячейкой, а подлинной основой общества, его главной структурой, устойчивой к любым потрясениям и кризисам. Семья помогала выжить в мире, полном опасностей и невзгод; семья воспитывала и обучала, диктовала нормы поведения, определяла жизненный путь и сохраняла память в следующих поколениях. Хорошие отношения с родичами были залогом успеха и процветания, а в решающую минуту могли даже спасти жизнь. Хорошая или, наоборот, дурная репутация не была личным делом, но отражалась на всех членах семейства, в том числе и на будущих поколениях. Вражда между родственниками считалась худшим из возможных зол и неминуемо приводила к упадку рода. Одиночество для человека Средневековья было синонимом несчастья, а изгнание из лона семьи – страшной карой. Семья была образцом для построения всех прочих сообществ: рыцарских орденов, монашеских общин, купеческих и торговых гильдий.

В Средневековье семья диктовала судьбу человека в гораздо большей степени, чем сейчас. Статус семьи (принадлежность к знати, горожанам или крестьянству) уже при рождении определял круг доступных занятий и пределы социальных возможностей. Нередко можно столкнуться с мнением, что Средние века были эпохой максимальной несвободы для женщин. Это не совсем верно. Конечно, поведение дочерей, сестер и жен находилось под особо пристальным вниманием близких и дальних родственников. Но не стоит забывать, что представления о чести и репутации семьи, сословные и групповые нормы, религиозная мораль в равной степени жестко регулировали поведение как женщин, так и мужчин.

Жители деревни направляются в церковь. Симон Бенинг, ок. 1550 г.
The J. Paul Getty Museum, Los Angeles, Ms. 50 (93.MS.19), recto

Общественное положение семьи определяло тот небольшой круг жизненных сценариев, которым могли следовать мужчина или женщина. Любому современному человеку невозможность самостоятельно выбирать жизненный путь – профессию, спутника жизни, стиль одежды и увлечения – покажется вопиющим ограничением личной свободы. Однако мировоззрение Средневековья было иным. Средневековый человек обитал в иерархической и упорядоченной вселенной, где Бог уготовил надлежащее место каждому творению. Это заранее определенное место и соответствующий Божий план виделись единственным и благим путем, которому предстояло следовать.

Предназначение женщины в средневековом обществе было простым. Ей предстояло выйти замуж и родить детей. Этому сценарию следовали женщины всех сословий и состояний. Даже монахини, которые не заключали брачный союз с мужчиной, вступали в символический брак со Христом. Одинокaя женщина, лишенная мужской защиты, имела минимальные шансы на выживание в глубоко патриархальном обществе.

Средневековые представления о браке питались двумя источниками: германскими языческими традициями и христианским вероучением.

В раннесредневековом германском обществе брак воспринимался прежде всего как взаимовыгодный контракт между двумя семьями. Нормы, регулировавшие процесс заключения брака, занимали важное место в раннесредневековом законодательстве – так называемых варварских правдах¹. В них оговаривалось, например, в течение какого времени нужно заключить брак после помолвки, как поступать, если девушку похитят с целью замужества, что делать женщине, которая вышла замуж без согласия родичей, или женщине, которая скрыла помолвку и вышла замуж за другого. В большинстве перечисленных случаев проблема разрешалась уплатой штрафов. В эдикте короля лангобардов Ротари также было указано, что в случае дурного обращения жена имела право вернуться в родительский дом. Предусматривались и довольно экзотические ситуации:

«Если после того, как девушка или женщина будут обручены, окажется, что они больны проказой или охвачены дурным духом – безумием, или обнаружится, что у нее выколоты оба глаза, пусть тогда жених заберет свои вещи и не принуждается взять ее против своей воли в жены, а также не будет обвинен по этой причине, так как он не бросает ту на произвол судьбы, а по причине ее явной погрешности и перенесенной болезни»².

Такой брак-контракт мог быть расторгнут, если одну из сторон переставали устраивать его условия. Речь, конечно, шла не о чувствах супругов, а о материальных и политических соображениях, которыми руководствовались представители элит.

Понимание христианского брака было иным. Представление о браке как об одном из семи таинств, которые признают сегодня католическая и православная церкви, возникло довольно поздно, после 1100 года. До этого момента вопросы семейной жизни не слишком занимали христианских мыслителей. Следуя наставлениям апостола Павла, раннесредневековые моралисты сходились во мнении, что для христианина жизнь в браке менее похвальна, чем жизнь

¹ *Варварские правды* (лат. *leges barbarorum* – «законы варваров») – условное наименование сводов обычного права германских племен (вестготов, бургундов, франков и др.) в период становления раннефеодальных государств (V–XI века). На русском языке называются «правдами» по аналогии с Русской Правдой. Известны, например, Салическая правда, Баварская правда и др. (в зависимости от названий племен, которые их использовали). *Прим. ред.*

² Эдикт Ротари // Шервуд Е. А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С. 35.

в безбрачии. Те, кто предпочел брак священству или монашеству, уступили велениям плоти, избрав легкий, но менее угодный Богу путь. Тем не менее сам по себе брак считался благом, поскольку его целью было рождение детей. Полигамия осуждалась, супругам предписывалось хранить друг другу верность, а жене – подчиняться мужу (впрочем, не нужно забывать, что даже столь суровый по отношению к женщинам Павел возлагал обязательства любви в равной степени и на мужчин): *«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее»* (Еф. 5:22, 25).

В XII столетии европейские богословы по-новому открыли для себя и своей паствы поистине сакральный смысл брачного союза. Брак мужчины и женщины начали воспринимать как земной образ божественной реальности – вечного союза Христа и невесты, Церкви. Земное супружество, таким образом, должно было говорить верующим о любви и верности Бога, а значит, такой брак следовало заключать единожды и навсегда. Благодаря этому новому измерению, в котором брак был видимым знаком невидимой реальности, он и стал одним из семи церковных таинств.

Мужчина со своей невестой. Миниатюра из рукописи, ок. 1170–1180 гг.
The J. Paul Getty Museum, Los Angeles, Ms. Ludwig XIV 2 (83.MQ.163), fol. 225

В брачных церемониях Средневековья смешивались языческие (германские и римские) и христианские элементы.

Подготовка к браку была длительной. В аристократических семействах и среди состоятельных горожан поиск пары для отпрысков мог начинаться уже в первые годы их жизни. Браку обязательно предшествовала помолвка: в этот момент семьям следовало договориться о размере приданого, так называемой вдовьей доли (часть имущества мужа, которая должна была перейти лично вдове в случае его смерти), и урегулировать все материальные условия будущей женитьбы. Публично объявленная помолвка воспринималась обществом как начало материально-хозяйственной стороны брака, и ее отмена был крайне нежелательной: бесчестье ложилось на ту сторону, которая инициировала разрыв. На практике чем ниже был социальный статус семейств, тем короче был период между помолвкой и заключением брака.

В основе брачной церемонии лежал общий для германской и римской культур архаичный обряд передачи невесты из ее родного дома в семью жениха. Празднества и веселье, сопровождавшие женитьбу, продолжались несколько дней и собирали родню с обеих сторон, в случае знати – вассалов и союзников, на свадьбах простолюдинов также гуляла вся округа. Торжества проходили в доме жениха, куда въезжала невеста с ее родичами. Семьи жениха и невесты вручали друг другу дары, и на свадебном пиру молодые обменивались клятвами в верности и подарками, в числе которых могли быть кольца³. Клятва скреплялась поцелуем, гости запевали свадебную песнь, и молодая пара становилась мужем и женой. Вечером, под конец брачного пира, молодых провожали на брачное ложе с громкими песнями и прибаутками, носившими вполне откровенный характер. Наутро жена получала от мужа «утренний дар» (*Morgengabe*) – ценности, деньги или земли. Утренний дар, как и вдовья доля, считался личным имуществом женщины, которое должно было обеспечить ей и ее детям безбедное существование в случае вдовства. Как уже было отмечено выше, брачный пир длился несколько дней и был удачным местом для смотрин следующего поколения женихов и невест.

Церковная составляющая брачной церемонии формировалась довольно медленно и до конца Средневековья не была главным элементом празднеств. Учение Церкви гласило: брак заключают сами молодожены, священник был лишь свидетелем, благословляющим союз. До XII века далеко не все пары даже в аристократической среде включали в брачную церемонию поездку в храм. В раннее Средневековье в Италии и южной Франции молодым супругам давали благословение на воскресной мессе, а в Северной Европе и Британии священник благословлял молодоженов в том доме, где проводился пир. Затем ситуация меняется: Церковь все настойчивее требовала, чтобы супружеский союз заключался в храме в присутствии священнослужителя.

³ На полях замечу, что в средневековой Европе не существовало специфических «свадебных» цветов одежды. Для жениха и невесты шились максимально яркие и богато украшенные одеяния из дорогих тканей. Элементы свадебного гардероба они впоследствии надевали по торжественным случаям, а женщины нередко передавали свои наряды по наследству дочерям. Вообще, все убранство, одежды и музыка на свадебном пире должны были рождать мысли о цветении и плодородии. Обычай надевать на свадьбу белое платье появился лишь в середине XIX века, после того как королева Англии Виктория надела наряд именно такого цвета на свое венчание с принцем Альбертом. *Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.*

Свадебный пир святой Цецилии. Миниатюра из рукописи, XIII в.
The Walters Art Museum

Средневековая церковная церемония отличалась от современной. Действо совершалось не внутри церкви, а на паперти перед входом в храм, так, чтобы физическую полноценность и обоюдное согласие сторон могло лицезреть и тем самым засвидетельствовать как можно большее количество наблюдателей. Жених и невеста приносили друг другу клятвы, а священник обматывал их соединенные руки стблой⁴ и благословлял. Могли использоваться кольца, при этом надевал перстень только жених невесте в знак ее подчинения⁵. После обряда на паперти пара могла присутствовать на мессе в храме. Лишь в Новое время таинство брака начнут совершать внутри церковей перед алтарем.

Брак обязательно должен был быть консумирован. Без физической близости между мужем и женой супружеский союз не считался завершенным и действительным. Общество

⁴ *Стбoла* – часть облачения католического священнослужителя, представляющая собой узкий длинный кусок цветной ткани. Носится на шее и символизирует агнца, которого Добрый Пастырь взял на плечи.

⁵ В средневековой культуре кольцо было прежде всего символом власти (поэтому неслучайно именно кольца власти фигурируют в романах Дж. Р. Р. Толкина). Так, принимая у вассала присягу на верность, сеньор дарил ему кольцо. Конечно, кольца использовали и как знак любви и часто преподносили во время ухаживаний.

ожидало от невесты сохранения девственности, однако ее отсутствие, хоть и оставляло пятно на репутации девушки, не влияло на действительность брака. После того как христианский брак получил статус церковного таинства, развод стал абсолютно невозможным и в католической церкви остается таковым по сей день.

Муж, бьющий жену. Миниатюра из рукописи, ок. 1405 г. (слева). Блюдо с изображением жены, избивающей мужа. Нидерланды, ок. 1480 г. (справа).

The J. Paul Getty Museum, Los Angeles, Ms. Ludwig XV 7 (83.MR.177), fol. 54 (слева); The Metropolitan Museum of Art (справа)

Брак мог быть аннулирован, то есть объявлен никогда не существовавшим, при нескольких условиях. Первым было уже упомянутое отсутствие консумации. Второй частой причиной было сокрытие одной из сторон физического изъяна, который делал полноценные супружеские отношения невозможными. Это могла быть полная импотенция мужчины, физическое уродство, препятствовавшее соитию, проказа (проказой могли называть вообще любые серьезные кожные заболевания) или безумие. Наконец, одна из сторон могла скрыть ранее заключенный брак или помолвку, и в этом случае второй союз объявлялся недействительным. Для того чтобы избежать таких неловких ситуаций, о помолвках объявляли публично и заранее.

Если же брак был легально и полноценно заключен, но супруги отчаянно не ладили между собой, они могли жить в сепарации, то есть – с разрешения Церкви – вести раздельное хозяйство. Решение о сепарации принималось в случае, если женщина, к примеру, официально подавала жалобу на жестокость и насилие со стороны мужа. Впрочем, большинство феодалов и так могли позволить себе проживать в разных резиденциях, а простолюдины, не имевшие средств и возможностей обратиться в церковный суд, были вынуждены терпеть друг друга до конца жизни. Ситуации, когда муж поколачивал жену, воспринимались как нечто обыденное. Бывало и иначе: до нас дошло немало сатирических изображений, в которых жена колотит мужа палкой.

Общепринятая мудрость гласила: в брак лучше всего вступать с ровней. Успешным считался тот брак, в котором царил мир и взаимоуважение супругов. Его было проще достичь, если жених и невеста происходили из одного и того же круга, привыкли к одинаковому образу жизни и получили схожее воспитание. Если семья девушки или, что еще хуже, мужчины была существенно беднее или менее знатной, это грозило упреками и неуважением со стороны более

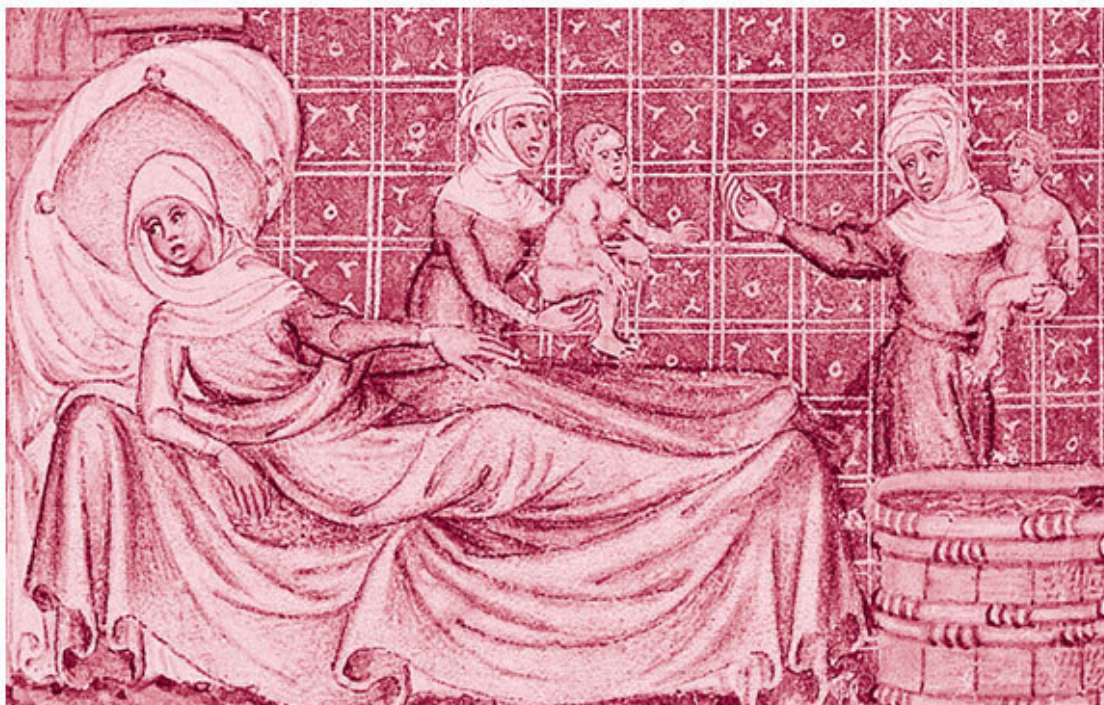
статусных родичей. Бедных родственников невесты или жениха подозревали в стремлении нажиться на состоянии и положении более успешного семейства или получить доступ к власти.

Решение о женитьбе следовало принимать, руководствуясь не чувствами или плотской страстью, а здравым смыслом и добрым советом старших. Анонимный автор поэмы «Руодлиб», созданной в XI веке в Германии, давал юношам такой совет:

*Если задумаешь взять жену из хорошего рода,
Чтобы она родила для тебя детей вселюбезных, —
Женицу отыщи, какую достаточно знаешь,
И ничего не решай, пока мать об этом не спросишь.
А как получишь совет, будь учтив и почителен с нею,
Кроток и нежен будь, но помни, что ты ей хозяин,
Чтобы она никогда затевать не думала споров:
Ибо хуже нет порока между мужьями,
Чем в подчинении быть, когда господствовать
должен.
Пусть она с тобой во всем на свете согласна —
Но до конца никогда не делись с ней своими делами:
Чтобы, если потом заслужить ей придется побранку,
То не могла бы она ни в чем тебе поперечить,
И уваженье у вас и любовь осталась бы прежней⁶.*

Конечно же, в браке рождались дети. Рождение и воспитание детей считались основными обязанностями женщины. Чем большим количеством наследников удавалось обзавестись супругам, тем большим уважением они пользовались в обществе. Дети были главным богатством семьи: у простолюдинов каждый новый ребенок давал надежду на новую пару рабочих рук, в семьях аристократов – на приобретение новых земель и титулов, которые принесут будущие браки. Вообще брачная дипломатия, то есть устройство семейных союзов детей, в Средневековье была основой всей внешней политики.

⁶ Руодлиб // Двойной венец. Эпос и драма латинского Средневековья в переводах М. Л. Гаспарова. М., 2012. С. 170.

Рождение Исава и Иакова. Миниатюра из рукописи, ок. 1360–1370 гг.
The J. Paul Getty Museum, Los Angeles, Ms. 1, v1 (84.MA.40.1), fol. 29v

Дети были главной радостью любой женщины, но беременность и роды представляли для нее в буквальном смысле смертельную опасность. Надежных средств контрацепции не существовало, поэтому беременности наступали часто, подрывая физические возможности организма. Однако самой страшной угрозой были роды. Многие женщины, готовясь к появлению младенца на свет, составляли завещания и исповедовались, чтобы быть готовыми к смерти. Смертность в родах была крайне высокой, как и смертность младенческая. Смерть подстерегала детей в первые годы жизни, поэтому нередко историки не могут сказать, сколько детей родилось у той или иной пары. Имена умерших в раннем возрасте часто нигде не фиксировались, а их тела не хоронили в отдельных могилах. Бывали случаи, когда даже сама женщина не помнила, сколько детей она произвела на свет.

Все эти препятствия не мешали людям Средневековья находить пары и строить семьи. В этой главе мы встретимся с женщиной, чья супружеская жизнь была счастливой, долгой и довольно типичной. Знакомьтесь: Матильда Фландрская!

Матильда Фландрская, жена Вильгельма Завоевателя

Средневековая культура давала замужним женщинам не так уж много образцов для подражания. Главным жанром назидательной литературы были жития, героини которых либо хранили девство, либо оставались вдовами и посвящали себя аскезе. В средневековой Церкви мы встречаем лишь единичные примеры супругов и матерей, почитавшихся святыми: это святая Моника, святая Радегунда, святая Рита Кашийская, а позднее – святая Елизавета Тюрингская и святая Франциска Римская. Впрочем, их семейная жизнь была настолько далека от идеала, полна трудностей и печалей, что обычной девушке едва ли хотелось повторить подобный опыт.

Матильда Фландрская. Иллюстрация из книги Агнес Стрикланд «Королевы Англии», 1894 г.

Strickland, A., Strickland, E., Kaufman, R. Agnes Strickland's Queens of England. Boston: Estes & Lauriat. 1894 / University of California Libraries

Однако в истории средневековой Европы мы также видим женщин, которые, не будучи святыми, считались если не идеалами, то исключительно достойными примерами того, какой должна быть добродетельная жена. Один из этих примеров – Матильда Фландрская (ок. 1031–1083), супруга Вильгельма Завоевателя. Авторитет и популярность этой женщины были таковы, что скоро ее именем стали называть знатных девушек по всей Европе.

Около 1048 года молодой герцог Нормандии Вильгельм II находился в активном поиске жены. Он был завидным женихом: к двадцати годам стал полновластным господином своего герцогства, снискал славу смелого и удачливого воина, был здоров и амбициозен. Оставалось произвести на свет наследников, ведь именно это делало средневекового мужчину полностью состоявшимся в жизни. Кроме того, с помощью брака Вильгельм, для которого войны с соседями были любимым развлечением, рассчитывал найти постоянного союзника. Поэтому сватовство к Матильде, дочери графа Фландрии Балдуина V, было дальновидным шагом. Их семьи уже находились в родстве, так как мать Матильды, Адела, дочь короля западных фран-

ков Роберта II, в первом браке была супругой или по крайней мере нареченной невестой дяди Вильгельма, Ричарда III Нормандского. У Вильгельма и Матильды был и общий предок – жена Балдуина IV Элеонора, дочь Ричарда II Нормандского. Эта сложная семейная история была довольно обыденна для тогдашней европейской знати. Стремление заключать браки по стратегическим соображениям постоянно порождало ситуации, в которых жених и невеста были родичами, а Церковь запрещала брачные союзы до седьмого колена родства. С этим препятствием столкнулись также Вильгельм и Матильда. Для того чтобы их брак признали законным, требовалось получить диспенсацию – специальное разрешение папы римского.

Мы можем предположить, что молодой герцог встретился с отцом избранницы в 1048 году в городке Санлис, где оба поставили свидетельские подписи на королевской хартии. Граф Балдуин отнесся к сватовству благосклонно. Нормандские рыцари Вильгельма были лучшими воинами в Европе и могли принести пользу Фландрии в ее соперничестве с германскими императорами. Вильгельму же было выгодно породниться с девушкой из знаменитого семейства, находившегося в родстве с королями Франции.

Быстрое сватовство Вильгельма породило миф, который приобрел популярность в позднем Средневековье. Согласно легенде, когда Матильда услышала о том, кто попросил ее руки, она заявила, что никогда не выйдет замуж за бастарда. Конечно, слух о заносчивости девушки достиг ушей герцога, и он решил проучить гордячку. Когда Матильда выходила из церкви в городе Брюгге – столичном городе Фландрии, – Вильгельм напал на нее, повалил на землю и оттащил за косы. Согласно другому варианту этой легенды, Вильгельм подстерег свою потенциальную невесту на охоте и сбросил с коня. В итоге дочь герцога передумала и заявила, что не выйдет замуж ни за кого, кроме герцога Нормандии.

Легенда о грубом сватовстве впервые зафиксирована в тексте Турской хроники, написанной спустя почти двести лет после описываемых событий. Современному человеку она покажется в высшей мере странной. Во-первых, такое поведение по отношению к девушке, отец которой был едва ли не самым могущественным феодалом в регионе, в лучшем случае привело бы к отказу от брачных планов, а в худшем – к войне. Во-вторых, анахронизмом выглядит упрек Матильды в незаконнорожденности жениха. Чтобы понять отношение современников к происхождению герцога, нам придется вернуться на несколько столетий назад, в те годы, когда на жителей Европы наводили ужас набеги прямых предков Вильгельма – викингов.

В 911 году отряд скандинавов под предводительством Роллона Датского захватил часть побережья королевства франков – ту самую, которая войдет в историю под названием Нормандия («земля людей с Севера»). В отличие от других отрядов, которые захватывали добычу и уходили, люди Роллона прочно закрепились на франкской территории.

Возникла уникальная ситуация: территорию будущего герцогства Нормандии заселили мужчины, жены и семьи которых оставались в Дании и Норвегии. Обосновавшись на новом месте, скандинавы брали себе наложниц из местных женщин. Конкубинат (то есть наличие одной или нескольких наложниц, помимо супруги) был широко распространен в раннесредневековых германских королевствах, а в Скандинавии и Нормандии это явление сохранялось гораздо дольше. После рождения детей конкубина, как правило, получала собственный дом и надел, которые позволяли воспитывать потомство до той поры, пока сыновей не забирали к себе отец. Родичи нормандских наложниц извлекали выгоду из сложившихся союзов, поскольку это позволяло породниться с новыми господами своей земли, а статус и репутация таких женщин практически ничем не отличались от положения жены. Многие конкубины впоследствии удачно выходили замуж вторично – именно так поступила Герлева, наложница герцога Роберта I Великолепного, мать герцога Вильгельма. Герлева и ее второй супруг, рыцарь Эрлуин де Контвиль, неизменно находились в числе приближенных будущего Завоевателя. Их сыновья Одон и Роберт стали ближайшими и самыми верными сподвижниками герцога Вильгельма:

Одон – на епископской кафедре города Байе, а Роберт, получивший титул графа Мортена, – в бою.

Итак, бóльшая часть знатных нормандских семей происходила именно от союзов викингов и их конкубин. Понятие законнорожденности станет в полной мере значимым для средневекового общества только тогда, когда в этом обществе прочно утвердится представление о единственном и нерасторжимом христианском браке. Это произойдет, как уже отмечалось выше, лишь в конце XII века, то есть через сотню лет после смерти Вильгельма Завоевателя. К слову, никто из современников не осмеливался назвать его бастардом: это прозвище появится в более поздних исторических текстах.

Единственное, что мы достоверно знаем о сватовстве герцога Нормандии к дочери графа Фландрии, – жених и отец невесты ударили по рукам. Молодые вступили в брак в 1051 году без позволения римского престола. Этому позволения они добились лишь несколько лет спустя. Невеста не принесла с собой приданого в виде земель, но благодаря ей потомок викингов смог на равных вести политические игры с древними семействами, возводившими род к самому Карлу Великому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.